СОДЕРЖАНИЕ

7 **Предисловие**

9 **О лекторе**

11 **План Парижа**

13 Лекция 1
Город-миф: правда и ложь о Париже в романах Дюма
Расширение границ города, перестройка Луврской крепости и осада столицы королем

31 Лекция 2
Новый мост как центр публичной жизни Парижа
Последние новости и сплетни, первые тротуары и сувениры, единственный вид на Лувр и насос «Самаритянка»

53 Лекция 3
Парижские променады, сады и бульвары
Снос городских стен, мода на прогулки, а также публичные купальни и кальсоны напрокат

81 Лекция 4
Париж как великая стройка
Площадь на месте убийства короля, элитное жилье вместо болот, а также почему из Парижа исчезли фахверки

107 Лекция 5
«Обезьяна двора»:
жизнь парижских нуворишей
Зеркала и витрины, чай и кофе,
шампанское и бургундское,
а также урлю-берлю и парики бинет

133 Лекция 6
Особняки и квартиры: частная
жизнь Парижа
Отели и салоны, утонченность
и приятность, а также каплун
под сливами в обмен на порцию
афоризмов

169 **Примечания**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Arzamas — проект, который рассказывает о литературе, искусстве, истории, культуре, то есть о самом интересном в мире. Более десяти лет мы вместе с лучшими русскоязычными учеными придумываем, как сделать рассказ о гуманитарном знании по-настоящему увлекательным: пишем тексты, сочиняем игры, делаем фильмы, записываем подкасты и аудиокурсы. Однако мы знаем, что для многих главным удовольствием остается бумажная книга, поэтому некоторые из наших аудиопроектов теперь доступны и для чтения.

«Париж эпохи мушкетеров» — продолжение «Книжной серии Arzamas», одноименный курс лекций историка Анны Стоговой на бумаге. Парижская жизнь XVII века в том виде, в котором ее описал Дюма, никогда не существовала. Трилогия основана не только на деталях, найденных писателем в мемуарах современников д'Артаньяна, но и на мифах о Париже и парижанах, известных Дюма в XIX веке.

В этом курсе Анна Стогова рассказывает о том, как на самом деле жила французская столица XVII века: куда ходили купаться и стирать одежду, как в городе сосуществ-

вали пастбища и элитная недвижимость, где появлялись променады и тротуары, а также об освещении улиц, разбивке парков, модных новинках и любви парижан к кофе и мороженому.

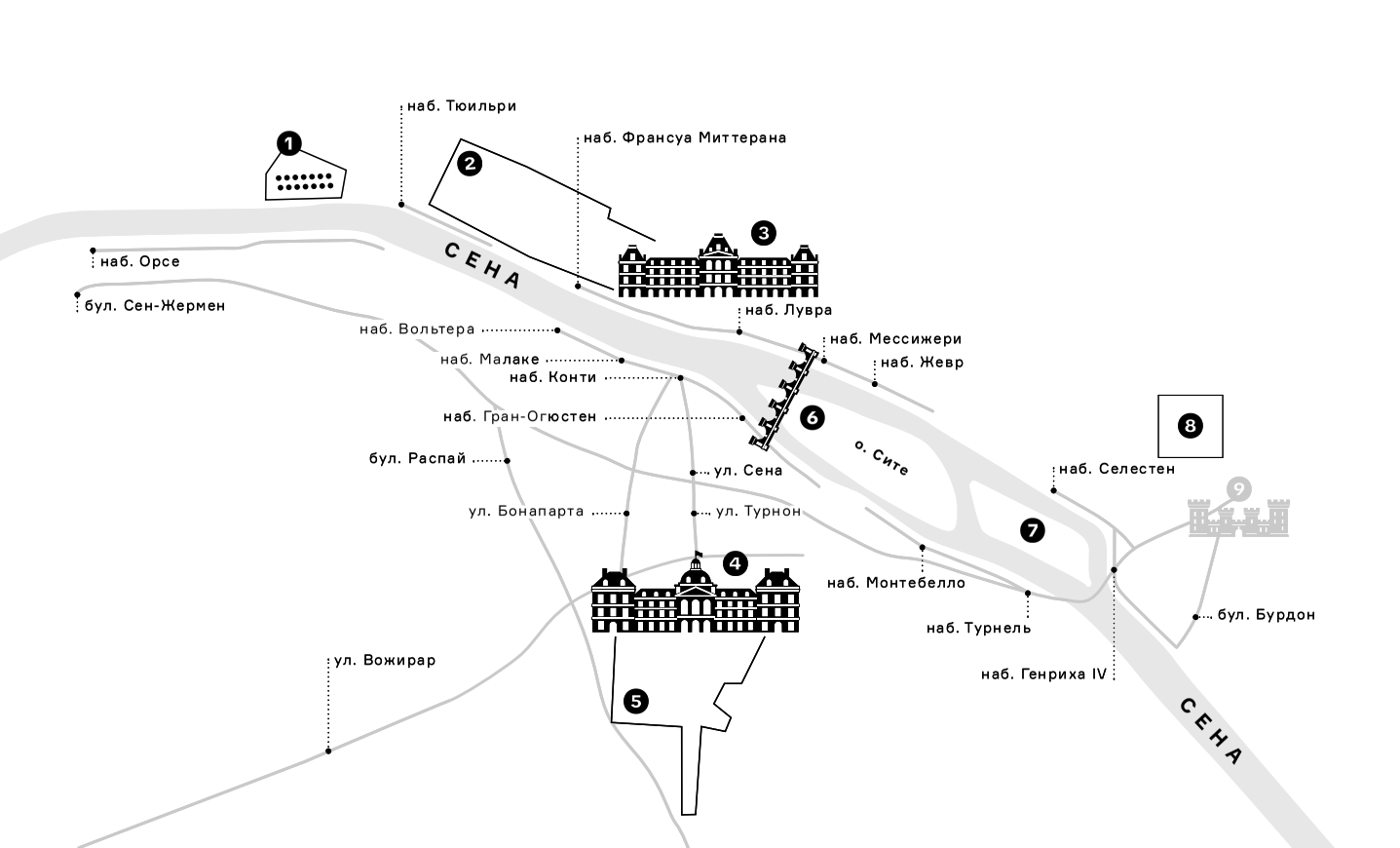
Эта книга, как и все в нашей серии, не займет много места: она поместится в любую сумку или даже карман. Отправляйтесь в реальное путешествие — в том числе и в Париж — или воображаемое вместе с мушкетерами. Возможно, вам пригодится план города с отмеченными на нем местами и зданиями — героями курса; вы найдете его в начале книги.

P. S. Если вы захотите послушать этот курс или аудиопроект на другую тему — от африканской магии и джаза в СССР до этрусков и Даниила Хармса, — то приглашаем вас в приложение «Радио Arzamas».

О ЛЕКТОРЕ

Анна Стогова
Историк

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отделения историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.


наб. Тюильри
наб. Франсуа Миттерана
наб. Орсе
бул. Сен-Жермен
СЕНА
наб. Лувра
наб. Вольтера
наб. Мессижери
наб. Малаке
наб. Жевр
наб. Конти
наб. Гран-Огюстен
о. Сите
бул. Распай
ул. Сена
наб. Селестен
ул. Бонапарта
ул. Турнон
наб. Монтебелло
наб. Турнель
бул. Бурдон
ул. Вожирар
наб. Генриха IV
СЕНА
1
2
3
4
5
6
7
8
9

ПЛАН ПАРИЖА

Мы согласны с Жерменом Брисом, автором известного путеводителя по Парижу XVII века. Упомянуть все достопримечательности Парижа — задача почти невозможная. Поэтому мы максимально условно изобразили центр города, указав только важные для нашего курса места и здания. Одного из них уже не существует. Обозначенные улицы есть в городе и сейчас.

ЛЕКЦИЯ 1

ГОРОД-МИФ: ПРАВДА И ЛОЖЬ О ПАРИЖЕ В РОМАНАХ ДЮМА

Расширение границ города, перестройка Луврской крепости и осада столицы королем

Париж «Трех мушкетеров» — это на самом деле как минимум две большие темы в одной. Не секрет, что роман основан на реальных мемуарах того времени и писался с привлечением профессиональных историков и карт Парижа, чтобы передать топографию города. Но при этом, когда Дюма публиковал свой роман — сначала как фельетон в журнале Le Siècle, затем как книжку в 1844 году, — парижане и Париж, о которых он писал, их привычки, одежда, манера речи уже очень давно были предметом обсуждений, насмешек, восхищения и среди самих французов, и среди иностранцев. Сама по себе парижская жизнь к XIX веку превратилась в довольно узнаваемый миф, и этот миф, безусловно, очень сильно повлиял на то, как описана жизнь XVII века в романе. Поэтому в трилогии о мушкетерах мы можем увидеть и Париж XVII века, и Париж XIX века.

Вообще Дюма был внимателен к деталям, и это хорошо видно: трилогия о мушкетерах очень топографична. Действие происходит не в каком-то условном Париже, а на конкретных улицах, возле конкретных примечательных построек. Внимательные читатели наверняка помнят улицу Могильщиков, где жил галантерейщик Бонасье и где поселился д'Артаньян, или улицу Ста-

рой Голубятни, где жил Портос и господин де Тревиль, и так далее. Конечно, там много упоминается известных, знаковых парижских построек — Лувр, Бастилия, Шатле. Многие из тех локаций Дюма упоминает в романе не просто потому, что они хорошо известны, а потому, что они связаны именно с Парижем XVII века. Люксембургский сад и Люксембургский дворец, Новый мост с «Самаритянкой», Королевская площадь и так далее были построены в начале XVII века, то есть они только-только появились к 1625 году, когда начинаются события первого романа трилогии. В повествовании часто подчеркивается, что речь идет о другом, старом Париже.

Предаваясь любовным мечтам, разговаривая с ночным небом и улыбаясь звездам, д'Артаньян шел вверх по улице Шерш-Миди, или Шасс-Миди, как ее называли в те годы.

Это упоминание «как ее называли в те годы» встречается довольно часто. И многие детали, которые упоминает Дюма, в том числе те, что касаются жизни в городе в XVII веке, действительно удивительно точны для того времени, когда еще не было истории повседневности.

Но, как известно, эти романы знамениты и сделанными там ошибками. Некоторые

из них даже довольно сложно объяснить сейчас. Например, зачем автору понадобилось, чтобы д'Артаньян, который направляется в Париж из Гаскони, то есть с юго-запада Франции, въезжал в Париж не с южной стороны, а через восточные Сент-Антуанские ворота, или ворота Святого Антония, которые располагались неподалеку от Бастилии. Чтобы попасть к этим воротам, ему нужно было не только объехать пол-Парижа, но еще и переправиться на другой берег Сены. И все это только для того, чтобы потом, въехав в город, двигаться обратно, потому что комнату он снял на левом берегу Сены. Зачем Дюма это делает, в общем, можно спорить. Может быть, дело в том, что ворота Святого Антония были главным въездом в Париж — это самые известные ворота, и многие события, в том числе XVII века, были с ними связаны. К моменту написания романа ворот уже давно не было: их снесли в 1778 году. Осталась только улица, названная по их имени.

Многие ошибки связаны с тем, что Дюма не всегда мог предположить, что было по-другому тогда, в XVII веке, каких составляющих обыденной жизни, хорошо ему знакомой, не существовало двумя веками ранее. Опять же, написанной истории повседневности еще не было, все эти

детали, которые упоминает Дюма, извлекал он сам.

Например, Дюма наделяет дома в Париже номерами. В Париже XIX века у домов были номера, и того же господина Бонасье он селит в дом номер 11 по улице Могильщиков. Но нумерация домов появилась только в первой трети XVIII века — в Париже мушкетеров никаких номеров домов не было. В тексте Дюма как раз очень хорошо видно и то, что казалось обыденным в XIX веке, и отчасти то, что казалось устаревшим к этому времени и описывается автором таковым.

Об ошибках Дюма написано довольно много, и одна из таких топографических ошибок была предметом рассуждений другого знаменитого писателя, Умберто Эко, в эссе «Удивительные приключения улицы Сервандони». Об этом можно прочитать в его книге «Шесть прогулок в литературных лесах». Но Эко замечает очень важную для нашего разговора вещь:

> Хотя Дюма знал даже о том, что улица Шерш-Миди называлась в те времена Шасс-Миди, он допустил ошибку в отношении улицы Сервандони. Это не имело бы никакого значения, если бы речь

> шла только об эмпирическом авторе Дюма. Однако теперь, поскольку существует текст, мы, послушные читатели, должны следовать его инструкциям, и мы оказываемся в совершенно реальном Париже, идентичном Парижу 1625 года, вот разве только в нем есть улица, которой на деле не существовало[1].

Явная, намеренно прописанная в романе реалистичность Парижа и при этом недостоверность этой реалистической картинки имеет прямое отношение к повседневной жизни. Потому что само нарочитое присутствие города в повествовании связано с тем, что литераторы XIX века очень тонко чувствовали и показывали связь между образом жизни людей, их привычками, манерами, реакциями и той средой, в которой они живут, тем, как устроен город. Собственно, из этого и вырастает изучение повседневной жизни, к концу XIX века социологи писали о том, что многие привычные нам вещи, например мода, появились именно потому, что появилась особая городская жизнь.

Та парижская жизнь, которую мы видим в «Трех мушкетерах», с одной стороны, очень реалистична, во многих деталях уди-

вительно верна, и в то же время она никогда не существовала не только потому, что это роман, но и потому, что он лишь отчасти основан на деталях, найденных в мемуарах XVII века. Но куда в большей степени он основан на том мифе о Париже и парижанах, который был знаком самому Дюма. На самом деле тут все еще интереснее, потому что этот самый миф, образ Парижа и столичной жизни, от которого он отталкивался, начал складываться как раз в ту эпоху, когда жили его мушкетеры. Конечно, и до XVII века существовали расхожие представления о жизни парижан, даже сохранились некоторые тексты о стереотипах в отношении парижской жизни.

В конце XVI и начале XVII века все существенным образом меняется. Во-первых, кардинально меняется сам город, а во-вторых, он начинает очень активно мифологизироваться благодаря все увеличивающемуся потоку книжек (уже вовсю расцвело книгопечатание), изображений, картин, эстампов, на которых запечатлевалось не только городское пространство, но и какие-то бытовые сценки, наряды горожан, интерьеры домов и так далее. И огромное количество, конечно, описаний в пьесах, в сатире, в записках путешественников, в первых газетах и журналах и так далее.

Париж, именно этот новый, постоянно меняющийся город, очень быстро стал притчей во языцех. Причем суждения об этом новом Париже, который формируется в XVII веке, тоже были очень-очень противоречивы.

Для примера можно рассмотреть только два суждения. В 1684 году вышел первый путеводитель (уже современного типа) по Парижу, и к его второму изданию, которое вышло буквально в следующем году, была приложена карта. Это было совершеннейшее новшество, которое предполагало, что с этой книжкой нужно гулять по городу, а не читать ее в кабинете. Этот большой двухтомный путеводитель в самых восторженных тонах описывал столицу[2].

> Никто не усомнится в том, что Париж является одним из величайших и прекраснейших городов мира. Великолепие его строений, его протяженность, почти бесконечное число жителей, чье богатство может соперничать с монархами, и, наконец, неиссякающий поток представителей народов Европы, которые приезжают, движимые неудержимым стремле-

нием изучить образ жизни французов, все его особенности, все то, что делает этот город несравненным[3].

Для контраста приведу стихотворение французского литератора Поля Скаррона, тоже написанное в XVII веке, в переводе Михаила Кудинова.

Везде на улицах навоз,
Везде прохожих вереницы,
Прилавки, грязь из-под колес,
Монастыри, дворцы, темницы,

Брюнеты, старцы без волос,
Ханжи, продажные девицы,
Кого-то тащат на допрос,
Измены, драки, злые лица,

Лакеи, франты без гроша,
Писак продажная душа,
Пажи, карманники, вельможи,

Нагромождение домов,
Кареты, кони, стук подков:
Вот вам Париж. Ну как, похоже?

Картинки очень разные, да и на самом деле повседневная жизнь сама по себе бесконечно разнообразна — это совершенно неис-

черпаемая тема, поэтому говорить о повседневной жизни в Париже XVII века стоит в первую очередь именно в контексте тех изменений, которые происходят с городом, и того, как эти изменения меняют жизнь парижан.

Если в Средневековье сама городская среда формировалась и развивалась более-менее стихийно, свидетельством этому являются кривые улочки, где дома стоят неровно, то ключевой особенностью Парижа XVII века было то, что королевская власть начала планомерно и довольно активно регулировать строительство, наполнять город нужными ей объектами и подчинять определенным правилам жизнь горожан. Это была новая идея.

О чем мы вообще говорим, когда обсуждаем Париж XVII века и жизнь его жителей? В первую очередь это очень быстро растущий город. По данным переписей, которые, конечно же, очень-очень условны для этого времени, в начале столетия в Париже жило около 220 тысяч человек, притом что тогда Париж был одним из самых крупных городов Европы. В середине столетия там жило уже около 450 тысяч человек, а к концу — 550 тысяч. Сейчас кажется, что эти цифры совсем смешные, но надо иметь в виду, что

и размеры города тоже были совершенно другими. Город как раз начинал очень активно расползаться в разные стороны за счет предместий, которые активно застраивались. Поэтому где-то начиная с середины XVI века регулярно начинают появляться постановления, которые запрещают строительство за определенной чертой, чтобы зафиксировать границы города. В 1638 году в состав Парижа вошли бывшие пригороды, бывшие предместья: Сен-Жермен, Сен-Жак, Сен-Марсель и Сен-Виктор. Все они располагаются на левом берегу Сены. На правом берегу границы почти не изменились.

Париж после 1638 года, с новыми границами, — территория примерно семи первых округов, на которые сейчас поделена французская столица. На правом берегу Сены эту границу и сейчас легко увидеть по расположению бульваров между площадями Согласия, Республики и Бастилии — там проходила городская стена. А вот граница города на левом берегу более причудлива, поскольку это районы предместий, ее сложнее увидеть. Если мы проведем воображаемую дугу от моста Альма, военной школы у Марсового поля, неподалеку от Эйфелевой башни, площадью Данфер-Рошро и Ботаническим садом, то мы полу-

чим примерные очертания тогдашней столицы. Большой прирост населения, который был заметен в первой половине XVII века, произошел как раз за счет того, что в черту Парижа были включены предместья.

Почему было так важно зафиксировать границу города, почему потратили столько сил? Причины следующие. В первую очередь быть парижанином означало платить или не платить те или иные налоги, ведь большая часть налогов были локальными. Например, налог на ввоз в столицу товаров потребления был одним из основных источников дохода города. Купцы и ремесленники, которые жили в бывших предместьях, став парижанами, теперь не должны были его платить.

Принадлежать к числу жителей Парижа значило принадлежать к одному из довольно формализованных сообществ, парижских городских страт. Как и все общество старого порядка, парижскому обществу была свойственна строгая иерархия, связанная не только со статусом, но и с суммой налогов, которые каждый должен был платить. Выше всего стояла титулованная знать, потом — простые дворяне, включая дворянство мантии, то есть тех, кто получил дворянский статус за высокие государственные

должности. Потом шли экюе — нижняя прослойка дворянства. Следом за ними шли нотабли, которые располагались между буржуа и дворянством. Это чиновники, которые не заслуживали дворянского статуса, — сборщики налогов, контролеры финансов и так далее. К этой же страте относились некоторые врачи и художники. Затем следующая страта — адвокаты, прокуроры и нотарии. Они даже имели собственное звание — перед их именем следовало говорить «мэтр». Ниже мэтров располагалась купеческая и ремесленная верхушка (буржуазная), которую называли достойными людьми. Дальше идут купцы, мастера, подмастерья. Наконец, самая последняя страта — все те, кто находится в услужении: прислуга, рабочие по найму, те, кто не имел рабочей квалификации.

Наконец, быть парижанином в XVII веке для большинства его жителей значило быть католиком. После Нантского эдикта[4], который завершил Религиозные войны, в столице было запрещено отправлять протестантское богослужение. Ближайшее место, где оно было возможно, располагалось довольно далеко от столицы. Только в 1606 году Генрих IV позволил построить протестантский храм в Шарантоне — это примерно шесть километров от столицы,

но тем не менее подчеркнуто за ее пределами. В Париже XVII века протестантских храмов нет. С точки зрения и самих парижан, и провинциалов, быть парижанином означало говорить на особом языке, на особом наречии. Именно парижское наречие в XVI веке было положено в основу письменного литературного языка. Парижане очень гордились этой особой речью. Их за это, естественно, высмеивали — они тоже высмеивали кого могли. Когда д'Артаньян приехал в Париж, его в первую очередь должны были засмеять не за желтую лошадь, а за совершенно непонятный парижанам гасконский говор. Устная речь жителей юга Франции действительно очень сильно отличалась, а гасконцем в XVII веке фактически могли назвать совершенно любого южанина. По комедиям того времени мы можем увидеть очень много насмешек в адрес этих провинциалов.

Жизнь всех парижан и состав жителей Парижа в XVII веке существенно меняются. Дело не только в изменениях, свойственных культуре того времени в целом. В Париже они к тому же определялись и статусом столицы, и очень явственным политическим противостоянием города и короля. В XVI веке король не жил в столице. Двор постоянно перемещался из одного города в другой,

короля должны были видеть подданные. Только в конце столетия королевский двор начинает регулярно оставаться на зимовку в Париже. Как раз тогда начинается перестройка Луврской крепости в более удобный современный дворец и обустройство близлежащих территорий. Но Париж, как и любой большой город того времени, обладал значительной степенью самостоятельности, и присутствие короля и желание короля распоряжаться в столице на фоне усиления королевской власти, в общем, вызывали очень много недовольств, и Париж становится центром протеста, даже политического сопротивления. В 1588 году Генрих де Гиз, глава Католической лиги, которому король запретил появляться в столице, вернулся в город; парижане поддержали Гиза, и в результате король Генрих III был вынужден бежать из столицы в Блуа.

В 1648 году в Париже вновь вспыхивает недовольство королем, начинается новая гражданская война, известная как Фронда[5], — Дюма описывает ее в романе «Двадцать лет спустя». Очередной король — малолетний Людовик XIV — с королевой-матерью и премьер-министром Мазарини бежит из города. Позднее, через несколько лет, в 1652 году, король осаждает мятежную столицу — было запрещено пропускать в нее обозы с едой.

После Фронды, как известно, Людовик отказывается жить в Париже. Он выстраивает себе поражающую воображение резиденцию в Версале. Поэтому подчинение Парижа власти короля, в том числе и символическое, за счет изменения города по воле короля, было очень важным политическим проектом. Генрих IV — представитель новой династии, бывший гугенот, и ему было необходимо продемонстрировать власть. Это оказалось не менее важно и для Людовика XIV после Фронды. Парижане всячески сопротивлялись притязаниям монархов. Например, при Генрихе IV к Лувру была пристроена большая галерея — протяженное крыло дворца вдоль Сены. Напрашивалось строительство параллельного крыла (просто для симметрии) — сейчас оно располагается вдоль улицы Риволи. Построить его смогли только при Наполеоне. В XVII веке там, где сейчас находится внутренний двор Лувра со знаменитой стеклянной пирамидой, было несколько улиц с жилыми домами, и парижане просто отказывались продавать королю свои земли для того, чтобы он мог достроить этот дворец. Некоторые строения даже присоединили к Лувру, и уже позднее, в XVIII веке, была целая кампания по его освобождению от частных пристроек.

Чтобы продемонстрировать величие и мощь королевской власти и самим парижанам, и французам, и иностранцам, начинается планомерное преобразование Парижа, в особенности на тех землях, которые еще не были застроены. Монархи стремятся создать новое чудо света, новый Рим, который должен был затмить старый, столицу вселенной — как только не называли Париж в то время. Первая газета того времени писала, что как только Генрих IV сделался хозяином Парижа, его сразу заполонили строители. Амбиции королевской власти действительно были огромные. Конечно, удалось из этого далеко не все, но так или иначе за столетие Париж действительно преобразился до неузнаваемости, а вместе с этим изменилась и жизнь горожан. То, что удалось сделать, нередко зажило совершенно неожиданной жизнью. В 1660 году литератор Самюэль Сорбьер назвал Париж самым прекрасным из варварских городов. Прекрасным — потому что таким его делает король. Варварским — потому что парижане отчаянно этому сопротивляются. На смешении этих противоречий как раз и выстраивалась повседневная жизнь Парижа XVII века.